

*Допущено к распространению
Издательским Советом
Русской Православной Церкви
ИС Р 14-410-1093*

Обложка
Е. В. Попковой

Богданова, И. А.
Б 73 Неувядаемый цвет: роман / Ирина Анатольевна Богданова. — М.: Сибирская Благовонница, 2020. — 685, [3] с.

ISBN 978-5-00127-183-3

Если тебе тяжело — ты на верном пути. У петербургской писательницы Ирины Богдановой подлинно счастливый дар — за унылой, казалось бы, повседневностью разглядеть красоту неповторимой человеческой судьбы. И больше этого: увидеть, как из трудных неприметных будней складывается судьба самой прекрасной в мире страны. Где и ты, дорогой читатель, самый необходимый участник общего дела. И твоя жизнь — неповторимый неувядаемый цвет, которому после каждой бури дано полыхать ярче и ярче.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

© Богданова И. А., текст, 2015
© Издательство Сибирская
Благовонница, оформление, 2015

вытягивал бывший запас знаний, а сразу после университета ноги отмеряли километры в поисках работы, но пока безуспешно, потому что оплата предлагалась копеечная.

Оклад санитара на «скорой помощи» составлял шестьдесят пять рублей. Дворник зарабатывал восемьдесят тугриков, а грузчик — семьдесят. С такими прибылями рассчитаться с долгом представлялось совершенно нереальным.

Недаром есть пословица: «Попал коготок — всей птичке увязнуть».

Зацепившись за слова, память вытолкнула на поверхность случай, свидетелями которому были они с Эдкой. Кажется, это произошло классе в пятом, когда они сбежали с последнего урока и пошли гулять на старое городское кладбище, обнесённое щелястым забором. Худущий Павлик ужом влез между выбитых досок и подождал, пока к нему протиснется плотненький Эдка. Где-то вдали между склепами настойчиво верещали птицы, и они пошли на эти тревожные звуки.

— Неспроста кричат, — шептал на ходу Эдка, — мне бабка в деревне рассказывала, что на кладбище, бывает, покойники вылезают из могил и живых туда заманивают.

— Зачем?

— Как зачем? — Эдка неподдельно удивился глупому вопросу. — Едят их, конечно.

— Тогда тебя первого съедят, ты упитанный, — трезво рассудил Павел и остановился, схватив Эдьку за куртку, потому что впереди действительно виднелось нечто странное, серое и трепещущее. Глаза застилали страх и растерянность, поэтому ребята не сразу поняли, что перед ними мелкая сеть, натянутая между двумя склепами, внутри которой бьются запутавшиеся птицы.

Застрав в ячеях крыльями и лапками, птицы с отчаянным криком пытались освободиться, но с каждым движением запутывались больше и больше, постепенно переставая вырываться и повисая недвижными комочками с отчаянными глазами.

Тогда, в прошлом, Павлик и Эдька выручили птиц, изрезав сетку тупым перочинным ножиком из Павликова портфеля. Но сейчас, в настоящем, Павел не представлял, кто может прийти к нему на выручку. Вроде бы и есть друзья, а оглянешься вокруг — и просить некого: у всех свои заботы и свои проблемы. Да и какая помощь от студентов: у них самих ветер в кармане да вошь на аркане.

Спасение пришло в лице старосты Марины, которая под села к нему на лекции по математическому анализу и молча положила записку, бегло написанную простым карандашом. Он думал, что Марина просит подсказку,

но запись оказалась неожиданной: «Поедешь на шабашку?»

Сглотнув от возбуждения, Павел наклонил голову и снизу вверх посмотрел на лицо Марины, как обычно хранившее серьёзное выражение.

— Так хочешь? — сказала она одними губами.

А он, не давая ответа, спросил:

— Откуда ты знаешь, что мне очень нужны деньги?

На миг её глаза стали мягкими, но на вопрос она не ответила, а только улыбнулась и объяснила:

— Мой брат Игорь собирает бригаду шабашников — строить коровники. Если надо, я попрошу тебя взять.

— Мне надо, очень надо. Ты настоящий друг, Маринка.

Румянец, пробежавший по её щеке, растворился в луче солнечного света из широкого окна аудитории. Или ему так привиделось? Но оттого, что рядом неожиданно оказался друг, стало легче дышать.

* * *

Бригаду сезонных рабочих, где Павлу предстояло работать, возглавлял Маринин брат Игорь Лимарёв — аспирант филологического

факультета, работающий над диссертацией по проблеме лингвистической терминологии. Внешне Игорь мало походил на книжного червя, день-деньской корпящего в библиотеке, потому что имел стать лесоруба, нос картошкой и весёлые глаза, смотрящие на мир с любопытством младенца.

Замысел сколотить шабашку родился у аспиранта Лимарёва прошлой зимой, когда серьёзно заболела сестра Маришка.

Вызванный врач послушал её кашель, скрестив пальцы, простучал спину и назначил анализ крови, а потом отозвал Игоря в коридор и плотно прикрыл дверь спальни:

— Вы муж барышни?

— Нет, брат.

— Ах, брат, — судя по интонации, доктор был разочарован. — Тогда передайте родителям, чтобы лучше кормили больную. Организм истощён, тоны сердца глухие, а здесь, — доктор показал пальцем на грудь Игоря, — подозреваю хронический бронхит.

— У нас нет родителей, — произнеся это, Игорь раскаялся в опрометчивости, потому что на лице доктора проступило сочувствие, а Игорь не любил, когда их с Маришкой жалели.

Собственно, отца у них давно не было, а мама ушла из жизни прошлой осенью. Он никогда не мог произнести слово «умерла», потому что

мамы не умирают, а уходят, оставляя детей ждать их возвращения.

— Ну, раз так... — доктор полез в сумку и достал новый рецепт, — раз так, то я выпишу общеукрепляющие укольчики. Процедурная сестра будет ходить колоть. А вы, молодой человек, постарайтесь организовать сестре усиленное питание: фрукты, молоко, обязательно мясо, — приподняв очки, доктор проинспектировал цвет лица Игоря и иронично цыкнул языком: — Небось, одни макароны варите?

Покаянно вздохнув, Игорь свесил голову:

— Ага, макароны.

— Забудьте про них, — приказал доктор, гипнотизируя взглядом, — на свете есть много других продуктов. Поняли? Никаких макарон.

Поскольку денег у них с Маришкой хватало в основном на макароны, Игорь приуныл, но ненадолго, потому что вспомнил осеннюю поездку на картошку с третьим курсом. Под щедрую закуску хозяйки дома председатель колхоза жаловался, что не хватает рабочих рук построить приличный клуб, хотя он дал слово на районном партактиве охватить колхозников культурой и искусством.

Завалившуюся за подкладку рюкзака бумажку с телефонным номером председателя пришлось извлекать пинцетом, но зато к новому учебному году Маришке купили зимнее пальто с песцовым воротником, ему пихору на

натуральной овчине, а с обеденного стола по совету врача исчезли макароны.

Кто первым выдумал шабашку — история умалчивает, хотя Игорь историю уважал и вопросом сезонных рабочих интересовался. Но начиная с середины семидесятых годов во всех концах страны активно зашебурились сезонники, заключая с денежными хозяевами прямые договоры, обусловленные принципом «мы вам ключ в руки — вы нам деньги в карман».

Бригады вкалывали по-чёрному, не разгибаясь от зари до зари, но и зарабатывали неплохо. Аспиранты с юрфака, например, строили в Костромской области клетки для песцов, они называются шеды, и заработали по полторы тысячи рубликов на нос.

За коровники для колхоза «Рябиновый» Игорь рассчитывал получить не меньше десяти тысяч рублей на руки, раскидав их поровну на десять человек, плюс колхоз обещал обеспечить питанием и жильём. Единицей оплаты труда в бригаде являлся трудодень без прибавок за умелость. По опыту других бригад Игорь знал, что там, где начинается делёжка и перерасчёт, заканчивается дружба и слаженность, а он ценил командный дух стройотрядовских времён, когда один за всех и все за одного.

В лимарёвскую бригаду просились многие, но Игорь брал только самых крепких и надёжных,

сделав единственное исключение для протеже сестры Маришки. Вечно она возится со всякими «несчастненькими». В детстве это были бездомные котята, которые, мигом отожравшись, превращались в наглых котяр со скверным характером, а теперь, когда она стала старостой курса, вместо котёнка появился Павел Соснин.

Маринка просила за него очень убедительно, приводя аргумент в виде закипавших слёз на глазах. Тербя в руках тетрадку, она давила на совесть, объясняя:

— Игорь, пойми, если мы не поможем, то человек погибнет. А Павел талант, у него самая светлая голова на курсе, и ему нужна поддержка.

Что случилось с молодым гением и почему ему стоит помочь, Игорь уточнять не стал, хватит того, что обычно спокойная Маришка напряжённо ждёт ответа и при этом заметно нервничает.

Маришкина горячность в отношении к однокурснику была Игорю неприятна: он всегда гнал из головы мысль, что сестра может влюбиться и выйти замуж. Для отношений с женщиной Маришка казалась слишком чистой, светлой и ранимой. И хотя он отдавал себе отчёт, что ревнует, но любого молодого человека из Маришкиного окружения рассматривал со скрытой антипатией.

Кроме того, его бригаде нужны были не великие умы, а крепкие плечи, и, глядя на тощего Павла в вечно сползающих на нос очках, Игорь

подумывал назначить его мальчиком на побегушках: вряд ли он годится ворочать брёвна или делать цементную опалубку. Обуза, да и только, добавить нечего.

Председатель колхоза «Рябиновый» лично встречал бригаду на станции, нетерпеливо пощёлкивая по ладони сложенной в трубочку газетой. Увидев высыпавшихся на перрон шабашников, он засунул газету за голенище резинового сапога и крепко пожал руку Игорю, безошибочно угадывая, кто здесь главный:

— Здравствуйте, товарищ Лимарёв, я Фёдор Иванович. Добро пожаловать к нашим пенатам. Надеюсь, сработаемся.

Круглое лицо председателя отдалённо напоминало изношенный башмак: так много морщинок сбегалось к широкому носу, успевшему по-летнему обветриться на солнце.

То, что председатель не погнушался лично встретить сезонников, произвело на Игоря хорошее впечатление, и он весело посмотрел на своих ребят, самым последним из которых стоял Павел:

— Ну, что, орлы, сейчас приедем на место, распакуемся, осмотримся и принимаемся за дело!

Фёдор Иванович одёрнул пиджак, который был ему узковат в плечах, и жестом показал на грузовик, припаркованный у вокзала:

— Вот наша карета. Я уж, по-стариковски, в кабину, а вы, молодёжь, располагайтесь в кузове.

Само собой, первым в кузов было загружено секретное оружие в виде трёх импортных бензопил, купленных вскладчину по большому блату. Длинным носом, похожим на буратиновский, пила влёгкую рассекала стопку досок, словно древесина по мягкости не уступала газетной бумаге.

За инструмент отвечал инженер-электротехник Миша, и Игорь знал, что Миша не подведёт.

Кроме Миши и Павла в бригаду влились три дипломника из строительного института, один ветеринар и три историка, причём один из историков — Максим — изучал постройки древних славян и клялся, что в строительном деле поднаторел не хуже средневекового плотника. По крайней мере, в поезде он обещал, что проведёт для желающих факультатив по изготовлению лемеха-черепицы из осины.

Насчёт факультатива Игорь остался в большом сомнении, потому что у отмахавших топором двенадцать часов в день работников сил останется только на то, чтоб донести до рта ложку с кашей.

Когда машина, взревев мотором, двинула в сторону колхоза, Игорь свободно откинулся

на рюкзак и украдкой посмотрел на новенького. Павел держался отчуждённо и независимо, видимо догадываясь, что ему совсем не рады.

* * *

Превратившись в точку, поезд скрылся из виду, и провожающие одновременно повернули в направлении вокзала. Какая-то девушка в толпе горько плакала навзрыд, а старушка у края платформы наоборот — беспечно улыбалась, как школьница, которой случайно выпал свободный урок. Что-то доказывая спутнице, размахивал руками пожилой мужчина с гривой седых волос. Подхватив даму под локоток, он картинно откидывал назад голову, демонстрируя окружающим гордый профиль с выпуклым подбородком.

«Артист», — подумала Екатерина Семёновна, поймав себя на мысли, что разглядывает толпу для того, чтобы заглушить тревогу, заполнившую душу тоской по Павлику.

Она настрого запретила себе думать о том, что когда-то с этой платформы навсегда уехал её сын Ванечка с молодой женой, но память снова и снова возвращала её назад в бесценное прошлое.

Отогнув рукав плаща, Екатерина Семёновна посмотрела на наручные часики, которые нарочно выставляла немного вперёд, чтоб никуда не опаздывать. Было около трёх часов дня,

и впереди ещё предстояли частные уроки музыки и долгий одинокий вечер в опустевшей комнате.

Конечно, она знала, что в последнее время у Павлика возникли большие проблемы. Она вообще всегда чувствовала, чем дышит ребёнок, но без острой необходимости старалась не вторгаться в его личное пространство: каждый человек должен сам проторить свою дорожку в будущее, надо только мягко и незаметно направить его в нужную сторону. В том, что Павлик растёт добрым и совестливым, Екатерина Семёновна не сомневалась. Главное, чтобы он не позволил растоптать в себе эти чувства, не поддался соблазнам упростить себе жизнь путём хитрости и обмана. А ведь впереди ещё ждёт любовь! Настоящая, верная, а не та влюблённость, от которой он сейчас мается, — изматывающая, похожая на затяжную болезнь. Наблюдая за внуком, Екатерина Семёновна видела, как он мечется, думая о Наташе, как его спина напрягается от каждого телефонного звонка в коридоре и как заливаются радостью глаза, когда в дверь раздаётся короткий стук соседки по квартире:

— Павел, к телефону.

Правда, в последнее время телефон звонил всё реже и реже, а вечерами Павлик чаще сидел дома, раскрыв перед собой тетрадь с конспектами, и смотрел в окно. С самого детства мальчик

настолько не умел притворяться, что прежде его чувства читались как открытая книга, знакомая до последнего абзаца, и только сейчас он замкнулся в себе, прячась за завесой пустых слов.

Спаси и сохрани, Господи, раба Твоего Павла!

Стараясь не делать резких движений, чтобы не потревожить больную спину, Екатерина Семёновна спустилась с вокзальных ступенек и пошла на остановку троллейбуса.

День стоял солнечный, но не жаркий, приятно ласкавший тело сквозь шёлк голубой блузки, перешитой из старого платья. Всегда, даже в трудные времена, Екатерина Семёновна старалась одеваться элегантно, не забывая проверить шов на чулках или начистить поношенные туфли.

«С аккуратности в одежде начинается аккуратность в мыслях», — часто внушала ей мама, обучавшаяся в закрытом пансионе мадам Вернье. Конечно, мамуля была права, и в доме всегда царил образцовый порядок, хотя мама считала дочку человеком взбалмошным и непоследовательным.

Взять хотя бы случай, когда Екатерина Семёновна — тогда Катюша — привела ночевать незнакомых людей со скамеечки в парке. Глаза беременной женщины умоляли о помощи, а сутевливый смешной мужчина боялся попасть впро-сак и весь вечер стеснительно жался в уголке.

Наутро гости горячо благодарили за приют, а после их ухода обнаружилось, что из шкафа исчезли все серебряные ложки и старинная фарфоровая шкатулка, разрисованная умильными ангелочками.

В эвакуации у Екатерины Семёновны два раза пропадали продуктовые карточки, спасибо, из беды выручили добрые люди, а то бы им с Ванечкой пришлось голодать, как в блокаду.

Вернувшись в Ленинград после войны, она не нашла и половины своих вещей, которые были разворованы во время долгого отсутствия. Впрочем, о вещах Екатерина Семёновна не тужила, потому что чудом сохранился чемодан, наполненный семейными фотографиями и дневниками мужа. Они с Ванечкой нашли чемодан во время субботника, затеянного домоуправлением, когда разбирали руины разбомблённого детского сада. Доски и щепки складывались в один штабель, а найденные вещи домоуправ приказал относить в бывшее бомбоубежище и ставить на полки, служившие нарами во время налётов. На нижнем ярусе чья-то рука сложила уцелевшие детские матрасики, а на втором стояли мятые кастрюльки, вёдра, тазы и лежали кучи пыльных байковых одеялец. Екатерина Семёновна с Ванечкой притащили сюда целёхонькую детскую ванночку и стали заталкивать её на полку, но в глубине что-то мешало движению.

— Ванюша, помоги!

Лёгкий как пушинка Ванечка мигом взобрался на плохо оструганные доски, заглянул наверх и сказал:

— Мама, я нашёл какой-то чемодан, похожий на наш. У него на боку картинка с кораблем, я её наклеил, когда ты подарила мне переводные картинки.

Помнится, так затряслись руки, что она едва успела поддержать ванночку коленкой.

Как, зачем и, главное, кто принёс сюда чемодан из их комнаты — навсегда осталось загадкой, но фотографии все до единой оказались целы и невредимы. Их хватило на долгие вечера, чтобы перебирать отпечатанные на бумаге кусочки жизни и вспоминать, рассказывать, слушать, смеяться и плакать. А вот Ванечкиных фотографий осталось совсем немного. Ваня не любил фотографироваться, и на школьных фотографиях всегда стоял позади всех или в тени. Павлуша, тот побойчее, задорнее, чем её застенчивый Ванечка. Жалко, что Ванечка и Павлик совсем непохожи друг на друга, хотя иногда Екатерина Семёновна замечала, что Павлуша так же любит сидеть на подоконнике и так же обожает читать книжки с фонариком под одеялом.

— Все мальчишки одинаковы, — отрезвляюще говорила она себе, но сердце верило

в прочную связь любимых детей, узелком в которой являлась она сама — мама и бабушка.

Несмотря на пережитые потери, Екатерина Семёновна не считала себя несчастной, ежедневно благодаря Бога за то, что подарил ей заботу родителей, любовь мужа и нежность сына. Она была любима, любила и любит, а значит, живёт и дышит полной грудью. Грех роптать, когда у других не было и половины того счастья, которое выпало на её долю.

После проводов Павлика день тянулся особенно долго, наматывая время на круг циферблата в замедленном темпе тягучего менуэта. По окончании уроков домой идти не хотелось, и Екатерина Семёновна решила выйти из автобуса на пару остановок раньше и немного пройтись пешком. Из-за многочисленных трещин асфальтовая мостовая выглядела растрескавшейся корочкой ржаного хлеба. Сразу после войны такой хлеб продавался по карточкам. Изредка выпадало везение достать без карточек спрессованные бруски расплюснутых подсолнечных семечек, которые назывались жмыхом. Ванечка сворачивал из бумаги кулёчки размером с палец, накладывал туда осколки жмыха и садился на подоконник читать книжку. Содержимое кулёчка он старался растянуть на целую главу, а отвечая на вопрос, сколько сегодня прочитано, иногда шутил:

— Три с половиной кулёчка.

Под перестук каблучков воспоминания шли рядом, незаметно подталкивая к улице, на которой прежде стояла церковь. Её называли Неувядаемый цвет — по имени иконы Богородицы, пожалованной храму великой княгиней Ольгой Александровной.

«Неувядаемый цвет». Каждый раз обращаясь к этим словам, Екатерина Семёновна мысленно переносилась в храм, куда она могла бы войти с закрытыми глазами. Икона висела слева от алтаря в тонком серебряном окладе, словно свитом из луговых трав.

— Молись, Катенька, перед иконочкой, — вразумляла Екатерину Семёновну няня — архангельская крестьянка гренадёрского роста. — «Неувядаемый цвет» — икона особая, она в семейной жизни помогает. Авось тебе Царица Небесная хорошего жениха сосватает.

Жених сыскался, и в этой церкви Екатерина Семёновна с ним повенчалась. В ней крестила маленького Ванечку, а после плакала у заколоченных дверей, когда вернулась с похорон сына.

Хотя сейчас со стороны тротуара виднелась только крыша станции техобслуживания, Екатерина Семёновна видела храм внутренним взором, словно бы кирпичные стены оторвались от земли и свободно парили в воздухе.

Чутким ухом музыканта Екатерина Семёновна расслышала за спиной лёгкий шорох

и обернулась. Позади неподвижно стояла тоненькая девушка с прозрачными глазами ребёнка и нежным румянцем на щеках. Екатерина Семёновна приветливо улыбнулась и хотела пойти дальше, но девушка вдруг остановила её словами:

— Здравствуйте, а я вас знаю. Вы бабушка Павлика Соснина.

* * *

После окончания рабочего дня Эдик Костров решил на часок задержаться, чтобы доделать срочную работу, за которую была обещана доплата сверх нормы. Мало того, владельцем жигуля оказался директор галантерейного магазина, и он в качестве аванса презентовал набор польских шампуней в красивой сиреновой упаковке.

Можно сказать, угодил, потому что Эдик буквально накануне подумал, что пора бы подарить Ольге что-нибудь этакое, дамское, возвышенное, говорящее о внимании и хорошем вкусе.

Хотя они встречались второй месяц, до сих пор не верилось, что неприступная с виду Ольга сдалась без единого выстрела. Оказалось, всего и делов, что приблизить губы к Ольгиному уху, так, чтоб она кожей почувствовала его дыхание, и шепнуть, будто был влюблён в неё

с пионерских лет и мечтает продолжить знакомство. Ещё не договорив, он увидел, как по матовой шее побежала вниз нервная краснота, и угадал, что одержал лёгкую победу.

В последнее время Ольга решительно подталкивала отношения к большей близости. Её внимание возрастало так быстро, что голова шла кругом, притягивая трусливую мыслишку бежать, пока не поздно. Эдику не хотелось завязывать прочную связь, подразумевающую постоянство:

— Не нагулялся ещё, — сообщал он друзьям-женатикам, когда они спрашивали его о возможной невесте.

— Рано семью заводить, не нагулялся ещё, — ворчала мать, едва заходила речь о девушках.

— Неужели ещё не нагулялся? — вскользя бросила Ольга, когда он шутя сообщил, что ценит мужскую свободу и независимость.

Кроме прочего, Ольга оказалась очень ревливой, и Эдик постоянно обращал внимание, как при его взглядах на других женщин Ольгино лицо сразу старело, а в голос проникали натянутые нотки гнева. Такое поведение неприятно задевало, тем более что Эдику были совершенно безразличны окружающие Ольгу мужчины. Он ни разу не поинтересовался, кто был с ней в ресторане при первом знакомстве и с кем она сейчас работает в соседнем кабинете.

Один раз, когда Ольга резко одёрнула его от шутливого флирта с продавщицей мороженого, он совсем было решил исчезнуть с горизонта, но мгновенно передумал, едва руки легли на руль её «фольксвагена».

Что может быть лучше, чем ехать на иномарке по Невскому проспекту и чувствовать себя хозяином жизни, которому завидуют все, начиная от последнего дворника и заканчивая важными метрдоателями? Это был настоящий кайф!

Накануне вечером Ольга позвонила ему домой и сообщила, что есть два билета на балет «Лебединое озеро» и возражения и отказы не принимаются.

Перспектива балетного спектакля ввергла Эдика в лёгкое уныние. Он вообще не понимал, что интересного, когда напوماженные мужики таскают по сцене томных девиц в балетных пачках.

Гораздо лучше было бы провести время на шумной вечеринке с весёлыми девчатами и незатейливой закуской под бутылку портвейна. Но Ольгу к друзьям не поведёшь, вернее, друзей не покажешь Ольге, потому что миры ответственных работников профсоюза и простых ребят со средним образованием не имеют точек соприкосновения.

Однако раздумья о балете не мешали сохранять хорошее настроение и, выходя из ремзоны,

Эдик ощущал себя сильным, ловким и удачливым. Ради похода в театр он надел бежевый с иголочки костюм, сидящий на нём, как на голливудском мэне. Это признал даже мастер Михеев, который при виде нарядного Эдика одобрительно цокнул языком и выразительно подмигнул:

— Орёл! Только свистни, все девки твои будут.

Высвистывая лёгкий мотивчик, Эдик бегом пересёк дорогу перед проезжающим автобусом, увернулся от мотоцикла и увидел Павликову бабушку Екатерину Семёновну. Она разговаривала с тоненькой девушкой, которую он как-то видел вблизи автостанции.

— А, Эдик! — Екатерина Семёновна приветливо взмахнула рукой и улыбнулась. — Давно тебя не видела! Что-то ты совсем запропал.

Наверное, бабушка Катя была не в курсе его размовки с Павлом. Под дружелюбным взглядом он покраснел как рак, неловко переступая с ноги на ногу:

— Работы много, Екатерина Семёновна, да и Павлик был занят. Мы созванивались пару раз.

Он понимал, что оправдывается как школьник, поэтому старался не смотреть на девушку, прилагая усилия выглядеть с достоинством.

Но Екатерина Семёновна то ли не замечала его замешательства, то ли не подавала виду.

Едва коснувшись лацкана его пиджака, она смахнула невидимую пылинку и похвалила наряд:

— Тебе идёт костюм, Эдуард, ты выглядишь очень представительно.

Краснеть дальше было уже некуда, и Эдик с несчастным видом пробормотал:

— Я в театр иду. На балет.

Понимая, что Екатерина Семёновна знает его как облупленного и прекрасно ведает, что в ряду предпочтений Эдьки Кострова театры, а тем более балет, находятся на самом последнем месте, он чувствовал себя бегемотом, который хвастается приглашением на бал стрекоз.

Из неловкого положения выручила девушка. Она как-то особенно мило улыбнулась и сказала голосом, показавшимся Эдику перезвоном серебряного колокольчика:

— Я тебя помню, ты Эдик Костров. А я Света. Света Алексеева. Я ушла из вашей школы после пятого класса.

— Ух ты! — вырвалось из груди помимо его воли, потому что небесное создание, стоящее около Екатерины Семёновны, не имело ничего общего с незаметной девочкой с серыми волосами и сутулыми плечиками.

Если Екатерина Семёновна стояла под солнцем, то Света отступила назад в тень высокого дома, которая разрисовала черты её лица

волшебными переливами полутонов и полусвета. А глаза! Никогда прежде Эдик не встречал у девушек таких ясных глаз с россыпью золотистых искорок, утонувших в бездонной голубизне. Её красота казалась совершенной, возвышенной и нереальной.

Обалдев от восторга, он опустил взгляд в землю, чтобы не выдать своих чувств и подобрать слова, которые моментально слиплись во рту в неразборчивую кашу.

После повисшей паузы он наконец взял себя в руки и более-менее уверенно посмотрел на Свету:

— Я здесь работаю, на станции техобслуживания, — взмахом руки Эдик указал на крыши ангаров и добавил невпопад, надеясь на общие воспоминания: — Помнишь, мы с этого места смотрели, как церковь ломали?

Небо, отражающееся в её глазах, потемнело:

— Конечно, помню! Я, когда бываю на этой улице, всегда останавливаюсь на пару минут. Ну, как на могиле. Постоять, погоревать.

О своих чувствах она говорила откровенно и бесхитростно, как давнему другу, и Эдику ничего не оставалось, как согласно кивнуть:

— Я тебя видел. Только не знал, что это ты, а то бы обязательно подошёл.

Говоря, он вспомнил, что увидел Свету в тот самый день, когда Пашка пришёл к нему за

помощью, и непроизвольно взглянул на Екатерину Семёновну. Интересно, она знает об их разговоре? Наверное, нет, а если и знает, то не показывает виду. Повезло Пашке с бабкой: умная, понимающая, не лезет с советами, как его мать.

Заметив его внимание, Екатерина Семёновна ответно улыбнулась:

— Ну, молодёжь, я вас оставлю. Мне пора домой — готовиться к урокам. А с тобой, Светочка, — договорила она, повернувшись к Свете, — я была очень рада познакомиться. Надеюсь, мы ещё встретимся.

— До свидания!

Эдик уловил в Светином голосе нотки теплоты, позавидовав, что они предназначены не ему.

До боли в скулах ему захотелось провести этот вечер со Светой, отправив труппу артистов балета танцевать в пустыню Сахару или на Северный полюс.

Его как будто прорвало на разговор, и он, накидывая слово на слово, принялся острить, рассыпая короткие смешки в надежде на отклик.

Наклонив голову к плечу, Света слушала, казалось, с интересом, но вдруг взмахнула рукой:

— Мой автобус! Приятно было повидаться! Не опоздай на балет!

— И мне приятно! Правда приятно, Света!